

Глава 24. Луна заходит, редеют звёзды

Торговец в синем халате так и не появился у своего прилавка.

Вэйшэн почуял неладное. Он принялся расспрашивать прохожих и соседних лавочников, пока наконец не разузнал, где живёт бедняга. Оказалось, совсем рядом — рукой подать.

Однако даже это короткое расстояние далось ему с трудом. Вэйшэн долго плутал по переулкам, путая повороты, и, прежде чем найти нужную дверь, умудрился постучаться в пять чужих домов.

Дверь открыла жена торговца. От неё тяжело пахло лекарственным отваром, лицо было измождённым, мертвенно-бледным, а глаза припухли от слёз. Вэйшэн невольно оторопел от столь жалкого зрелища, но быстро справился с собой:

— Я покупал кое-что у вашего мужа, — соврал он. — Да вот запамятовал заплатить.

— Проходи, — безучастно отозвалась женщина и отступила в сторону.

Прямо напротив входа стояла кровать. Вокруг неё громоздились трухлявые ящики и всякий хлам, которым торговец обычно забивал свой прилавок. Посреди этого беспорядка сиротливо ютился очаг с угасающими углями, едва светившимися тусклым багрянцем.

У окна возились двое ребятишек. Они сталкивали друг с другом выточенные из гальки фигурки зверей, подражая рычанию хищников: «Бабах!», «Р-р-р!».

На постели ничком лежал сам хозяин. Если бы не слабое, прерывистое движение груди, его вполне можно было принять за мертвеца.

— Эй, почтенный... — тихо позвал Вэйшэн.

Цан Доушань решительно шагнул вперёд. Опустившись на колени перед ложем, он сжал холодное запястье угасающего человека.

В тот же миг в тесной каморке поднялся резкий порыв ветра.

Чистая духовная энергия широким потоком хлынула в тело умирающего. Торговец судорожно вздохнул и приоткрыл веки. Его налитые кровью глаза уже подёрнулись мутной серостью — печатью скорой кончины.

Цан Доушань сразу понял: дни бедняги сочтены. Если суждено умереть в третий страж, никто

не удержит тебя до пятого.

Даже великие мастера ступени Поднебесной, не успев вознестись, бессильны перед лицом увядания плоти.

— Кто... ты? — прохрипел несчастный. Голос его напоминал шелест сухой травы.

Цан Доушань склонился ниже и негромко, но твёрдо произнёс:

— О твоей семье я позабочусь. Ни жена, ни дети не будут знать нужды.

— Но ты должен ответить мне. Эта утварь... — Он лёгким движением извлёк Чайник, Вмещающий Небеса, и повернул его так, чтобы скудный свет из окна упал на тусклую глиняную поверхность. — Откуда она у тебя?

— Мой... мой... хозяин... — Хрипы заклокотали в груди торговца, он ловил ртом воздух, силясь договорить: — Ми... Цзо... Мой хозяин...

С трудом выдавив эти слова, он зашёлся в сухом, надрывном кашле. Он посмотрел куда-то вниз, к ногам.

Оцепенение, сковавшее женщину, вдруг спало. Она рванулась к детям, грубо сгребла их за шиворот и пригнула их головы к полу:

— Кланяйтесь! Живо кланяйтесь отцу!

Цан Доушань поднялся и отступил на пару шагов, давая семье попрощаться. Ничего не понимающие дети послушно ткнулись лбами в грязные доски. Женщина упала на колени перед кроватью, захлёбываясь слезами. Торговец, чьё дыхание становилось всё незаметнее, шептал последние напутствия.

Достав пачку серебряных векселей, Цан Доушань отсчитал крупную сумму, прижал их на столе глиняной плоской и негромко бросил Вэйшэну:

— Уходим.

Вэйшэн помедлил, оглядываясь на плачущую вдову, но спутник властно увлёк его за собой на улицу.

Дорогу назад они проделали в полном молчании.

Едва за ними закрылись двери Обители Бессмертного Чайника, Вэйшэн не выдержал:

— Жалко их... Ютятся в такой нищете.

— Обездоленных в поднебесном мире без счёта, — сухо отозвался Цан Доушань. — Всех не обогреешь. У нас просто не хватит сил.

На это Вэйшэну возразить было нечего.

Вернувшись в кабинет, Цан Доушань первым делом достал из вазы бумажный фонарь.

Этот проводник заказов молчал уже давно. Поначалу, когда они только взялись за работу на тайный синдикат, поручения сыпались одно за другим — фонарь вспыхивал едва ли не каждый вечер. Но постепенно поток иссяк, сойдя на нет, и в последнее время бумага оставалась мертвенно-белой.

Расправив фонарь, он зажёл духовное пламя и вывел на тонкой бумаге имя: «Ми Цзо». Подумав, размашисто приписал: «Нужны любые сведения о нём. Плачу полторы тысячи лянов серебра».

Пламя колыхнулось, послушно поглотило тушь и медленно угасло.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем искра вновь призрачным светом заплесала на бумаге. Проступили новые иероглифы: «Цена вопроса — три тысячи лянов».

Цан Доушань прищурился. Если обитель «Одинокий фонарь у воды» удваивает цену, значит, докопаться до правды будет непросто. Это лишь подтверждало его худшие подозрения.

Таинственный Ми Цзо явно не был простым смертным.

Он быстро начертил в ответ согласие: «Идёт».

Строчки растаяли, сменившись новыми: «Восемнадцатого числа, в час Крысы, на въезде в переулок Цветочной Чашечки. Товар в обмен на серебро».

До назначенной даты оставалось пять дней.

Все эти дни Цан Доушань провёл в безуспешных попытках вернуть былую связь с Чайником, Вмещающим Небеса. Он жаждал вновь ощутить то слияние душ, что связывало его с артефактом прежде. Но тогда сосуд обладал собственным разумом. Обитавший в нём дух А-Жун любил поворчать, поучая хозяина на правах старшего и умудрённого опытом. Теперь же,

когда А-Жун угас, расспрашивать было некого — приходилось продвигаться на ощупь, спотыкаясь в потёмках.

Единение с артефактом не ладилось, и это бессилие лишь глубже вгоняло его в уныние.

В ночь на восемнадцатое число город окутал плотный, вязкий туман. Прибыв на место в час Крысы, Цан Доушань разглядел сквозь белёсую взвесь тусклый жёлтый огонёк бумажного фонаря. В его неверном сиянии кружились мириады водяных капель и пылинок.

По узкому лучу света в его сторону неторопливо поплыл плоский предмет — небольшая дощечка или свиток. Посреди пути он завис в воздухе. Цан Доушань достал приготовленные векселя и пустил их навстречу с помощью духовной силы. Посылки на мгновение замерли друг напротив друга, а затем стремительно разминулись.

Дело сделано.

Из тумана донёсся тихий мужской голос, произнёсший пароль:

— Луна заходит, гаснут звёзды, близится рассвет...

Цан Доушань скользнул взглядом по вскрытому посланию. Текста было немного, но подлинность добытых сведений не вызвала сомнений. Он негромко отозвался:

—...не гаснет тусклая лампада, сна в помине нет.

Огонёк напротив мгновенно потух, и сырой туман начал медленно отползать в темноту переулков.

Погасив свой фонарь, Цан Доушань скорым шагом вернулся в Обитель Бессмертного Чайника. Закрывшись в кабинете, он зажёл свечу и углубился в чтение.

Как выяснилось, Ми Цзо промышлял торговлей. Выходец из низов, обделённый выдающимися талантами к самосовершенствованию, в юности он звался Ми Бао. Однако со временем у него открылся редкий дар находить среди хлама истинные сокровища, из-за чего он обрёл известность. А поскольку парень ко всему прочему был левшой, его стали звать просто Ми Цзо.

Скитаясь по свету, он выкупал за бесценок вещи, которые другие почитали за мусор, а после являл миру их скрытую суть — и дешёвые безделушки оборачивались бесценными артефактами. Разумеется, они были уникальными изначально, просто левша Ми Цзо видел глубже, чем обычные ценители.

Имя его гремело повсюду, а размеры богатства оставались тайной за семью печатями. Жил он

скрытно, постоянно меня прибежища — поговаривали, дорогу ему перешли весьма влиятельные господа. Рядовым практикам встретиться с ним было почти невозможно. И всё же этот человек, застрявший на скромной ступени Сюаньюй, порой привлекал к себе куда больше внимания, чем иные великие мастера.

И этот неуловимый, словно дракон в облаках, купец оказался хозяином полунищего уличного торговца? Цан Доушань досадливо поморщился, жалея, что не догадался захватить с собой хотя бы простую пилюлю восполнения ци — она подарила бы бедняге ещё один день жизни.

Но упущенного не вернуть. Справившись с бесплодным раздражением, мастер принялся сопоставлять факты. Слишком многое в этой истории не вязалось с логикой.

Ми Цзо сказочно богат. Крох со стола этого скупщика хватило бы, чтобы его слуга со своей семьёй безбедно существовал до конца дней. Но торговец провел жизнь в крайней нужде, среди никому не нужного хлама.

«Но откуда тогда взялся Чайник, Вмещающий Небеса?»

«Какую игру ведёт этот левша?»

Проще всего было бы спросить Ми Цзо лично. Поручить его поиски обители «Одиноким фонарь»? Увы, за такую услугу они заломят цену, ради которой придётся заложить саму Обитель Бессмертного Чайника, да и успех не гарантирован.

Цан Доушань задумчиво переплёл пальцы, подперев подбородок, и уставился на огонь.

Свеча тихо оплавлялась, роняя восковые слёзы. Вокруг фитиля нагаром выросли причудливые хлопья. Цан Доушань взял серебряные щипчики и аккуратно снял нагар. Огонёк дрогнул, разгораясь ярче.

В голове зрел дерзкий план. Пускай уверенности не было, оставался неплохой шанс заставить Ми Цзо выдать себя.

Попытка не пытка — сидеть сложа руки было бы куда глупее.

Наутро Цан Доушань обратился к заспанному Вэйшэну:

— Мне нужно уехать.

Сладко зевавший парень вмиг стряхнул остатки сна:

— Куда это? Зачем? Сколько серебра с собой взять? Может, я с тобой поеду?

— Обитель нельзя оставлять без присмотра, — покачал головой Цан Доушань, мягко уходя от правды. — Моё самосовершенствование зашло в тупик, нужно уединиться и разобраться с застойными узлами силы.

Вэйшэн окинул его недоверчивым взглядом:

— Вот оно как... И далеко соберёшься? Только не говори, что уйдёшь в глухую чащу на десяток-другой лет.

Цан Доушань невольно усмехнулся:

— Не беспокойся. Вернусь быстро.

— И всё-таки, где мне тебя искать, если что стрясётся?

Как ни пытался парень подробности, мастер остался непреклонен. Сдавшись, Вэйшэн лишь туго набил его дорожный мешок припасами, ворча, что в пути некогда будет думать о еде.

Цан Доушань привык действовать без промедления. Уже к вечеру следующего дня он договорился о перелёте на птице затаённого пространства и приготовился к отправке на плотину Шаньцзы.

Учитель говаривал ему в своё время: «Не складывай все яйца в одну корзину».

В народе это называют проще — у умного зайца всегда три норы.

Ещё до того, как стать личным учеником главы Врат Сердца, Цан Доушань прославился ратными подвигами. Он истребил без счёта демонов и отступников, а уж взятых в бою трофеев, ценного оружия и редких эликсиров накопилось столько, что хватило бы на целую армию практиков. Семейный клан и старейшины тоже не скупилась на награды.

Послушный совету наставника, Цан Доушань обустроил в глухих уединённых уголках поднебесного мира тайные убежища. В случае тяжёлого ранения или преследования там всегда можно было отлежаться и восстановить силы.

Одно из таких гнёзд скрывалось у плотины Шаньцзы. Это дикое место славилось отвесными кручами и шумными водопадами. Полноводная река Юаньхэ, зажата исполинскими скалами, словно рукотворными дамбами, с рёвом низвергалась здесь вниз по каменным ступеням.

Тайная обитель находилась прямо в толще скалы, за ревущей водяной стеной самого крупного каскада. Прежде Цан Доушаню не стоило труда пролететь сквозь бешеный поток, но теперь, лишённый прежнего могущества, он не мог на это рассчитывать.

Птица затаённого пространства высадила его у самого ущелья и сразу унеслась обратно в облака. Оставшись один, Цан Доушань окинул взглядом вздымающиеся к небу лесистые хребты и тяжело вздохнул.

Отныне приходилось уповать лишь на крепость собственных ног.

А подъём в горы для немощного тела — дело изнурительное.

<http://bllate.org/book/18329/1862717>